

Напрасная задача — впрямую анализировать каждую картину Анатolia Мосийчука. Смысл ее не лежит на поверхности — как правило, он закодирован. Порой и не требуется особого глубокомыслия, чтобы разгадать ее суть. Нередко диковинные пространственные построения — бегство от обыденности. Его картина «Прелюдия» — один из пластических аспектов вечной темы «Художник и модель», только здесь художник, лишенный традиционных атрибутов своего ремесла, становится музыкантом, влюбленным менестрелем. Из его золотой дудочки выпархивает золотистая птица, а вдалеке сидит, заключенная в золотую клетку прелестная ангелоподобная модель — предмет поклонения мастера. И все это на фоне вполне реалистического пейзажа с зеленой лужайкой, далекими горами и голубым небом.

Мосийчук — скульптор, обладающий тонким чувством пластики. Он также опытный гравер по дереву и дизайнер общественных интерьеров — вспомним хотя бы вестибюль станции московского метро «Авиамоторная».

Искусствоведы нередко упирают на умение художника делать все своими руками, начиная от паспарту и уникальных, великолепно сработанных рам до оборотов мастерской, от полочек и лавок до стола. Все это так, и это прекрасно. Но что же такое живопись Мосийчука? Не стремится ли он именно в ней уйти от добротного «рукоделия», не сжигает ли свои корабли, чтобы построить новый флот?

Создается впечатление, что сокровенный духовный мир он дерзает визуально воплотить именно в живописи, отрешившись от конкретики повседневной жизни. Его персонажи вовсе не заняты обустройством реального быта. Они и

здесь обуреваемы жадной любви, мирскими соблазнами, но тут все иначе.

Во многих полотнах проступает паутина пут то в виде тонких, сотворенных из неведомо какой субстанции и ставших видимыми нитей, то прочных, как натянутые струны. Ими могут быть опутаны двое — по своему ли желанию, либо по воле обстоятельства, и не в их власти эти нити разорвать. Они трансформируются в лучи, теряя осязаемую материальность, приобщая деяния и действия обыкновенного человека к иному, странному миру, возможно, к космической беспредельности. И вот он — на чудесной грани реального «здесь» и таинственного «там». Слышит ли он музыку нездешних пространств? Это художник оставляет на усмотрение зри-

Полеты во сне и наяву

теля, и такие загадки всюду.

У художника много вариаций на тему «Преодоление». Преодоление собственной хлипкости, когда узкоплечий, маленький человечек тужится поднять громадную штангу. Немолодые, приземистые, тучные люди в грезах ли, в снах ли, посредством воздушных шаров, диковинных воздухоплавательных аппаратов с помощью крыльев и без них, с превеликим усилием преодолевают инерцию притяжения, все же взлетают. Смешно и занято на них смотреть, в то же время неловко и грустно — не мы ли это? Теряющие ориентир в окружающей действительности, не знающие, кому довериться, и все же неистребимо доверчивые, люди стремятся к истине. Может быть, ее хочет поведать жадно внимающей толпе жестику-

лирующий оратор? В толпу затесалось несколько ангелов. Но кто же самозванный трибун — очередной фигляр или пророк? А может быть, он дирижер, которому вполне послушен хор толпы?

В человеке на полотнах Мосийчука есть все — «от хрюканья свиньи до пения херувимов». В картине «Ночь», восходящей к гоголевской, фольклорной чертовщине, нет inferнальной жути, низменное здесь — в природе человеческой, повинен в этом не бес, а юная Солоха. И все же художник слишком любит людей, чтобы акцентировать темные человеческие инстинкты. Эротика его картин изысканна, вызывает ассоциации с классикой, как, скажем, неоднократно варьируемый сюжет, напоминающий похищение Европы.

Художник стремится отразить тягу человека к свету, к познанию непознанного. Ученые XX столетия с изумлением открыли огромную потенциальность человеческого разума. Она заложена генетически, хотя нынче всюду говорят и пишут о физической и умственной деградации, об истощенности генофонда. На эти крайние обстоятельства Природа или Создатель и запрограммировали практическую неисчерпаемость человеческих способностей. Художник не задает себе и зрителю гамлетовских вопросов. Человечество обречено жить, а значит, познавать окружающий мир.

Созидательную, спокойную и гармоничную энергию творчества излучает не большая, но монументальная по звучанию картина «Музыка». Это алле-

гория, как у старых мастеров. Внушительная фигура музыкантши подобна карнатиде, освободившейся от тяжелой ноши и взявшей в большие затекшие руки крохотную скрипку и смычок. Звуками пронизано все пространство, в котором словно плавают невидимые глазу музыкальные тела: кажется, что тихому, прозрачному скрипичному соло вторит мощное многоголосие органных труб. На этой торжественной ноте в самый раз закруглить бы краткий очерк о живописи Мосийчука. Но как же быть с другими его картинами — а их немало, — где бредут неведомо куда простоволосые женщины по двое, поодиночке, тянут волоком тяжелые лодки, пытаются в них плыть по суше, прижимают к себе вместо утраченного домашнего скарба деревья, вырванные с корнем? Есть и совсем новые работы, в которых пронзительно ощущается потеряность человека в огромном мире. Низкие домики под сумеречными небесами, белеющие, как родные сердцу живописца украинские хаты, неприютны и одиноки, как люди, которым негде приклонить голову, негде обрести желанный покой. Чья глушь, чья злая воля, чья жестокость обрекают людей на бесплодные скитания? Но дело ли художника отвечать на подобные вопросы, его дело — видеть и предвидеть.

Несмотря ни на что, человеку суждено жить, любить, страдать, заблуждаться, улетать в заоблачные дали, мечты среди самых невообразимых жизненных передраг, и он одарен, очевидно, свыше, жадной познания и творчества. В этом убеждает искусство Анатолия Мосийчука.

Валентина АЗАРКОВИЧ.

● А. Мосийчук. Музыка.

11.3.95

Мосийчук Анатолий